

Г. К. Сугаков

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ПРИБАЛТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ ЕС И РОССИИ

Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки
Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию 30.10.2023 г.

Принята к публикации 27.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7

107

Для цитирования: Сугаков Г. К. Миграционная политика стран Прибалтики в контексте интересов ЕС и России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 106 – 116. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7.

В условиях европейского миграционного кризиса особую актуальность приобретают исследования миграционной политики, в том числе соседних для России стран Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии). Целью статьи стало выявление основных черт этой политики как с точки зрения отечественных интересов, так и для ЕС, членами которого являются указанные страны. Для этого впервые предпринят сравнительный анализ стратегических документов Прибалтийских стран на 2020-е гг. в данной сфере: «Стратегии по демографии, миграции и интеграции на 2018 – 2030 гг.» (Литва), «Принципов развития сплоченного и граждански активного общества на 2021 – 2027 гг.» (Латвия), стратегии «Сплоченная Эстония 2021 – 2030». Сделан вывод о том, что миграционная политика этих государств не отвечает ни интересам ЕС (смягчение последствий миграционного кризиса, прежде всего связанного с беженцами из стран Африки и Ближнего Востока), ни интересам России (в отношении русскоязычного населения на их территории).

Ключевые слова: миграционная политика, миграционный кризис, интеграция мигрантов, страны Прибалтики, транзитный регион, лимитроф

Введение

Анализ миграционной политики сопредельных государств является важной задачей в рамках формирования собственных стратегий. В случае стран Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии) особое внимание этому вопросу могут уделять их западные соседи – другие страны Европейского союза (ЕС), а также Россия. При этом оценки этой политики со стороны России и ЕС, очевидно, будут исходить из разных позиций.

Что касается ЕС, то одной из важнейших социально-экономических и политических проблем для объединения стал миграционный кризис,

начавшийся с 2010 г. Согласно некоторым расчетам, в конце 2016 — начале 2017 г., то есть по окончании острой фазы кризиса, в Европе находилось около 3,6 млн беженцев и искателей убежища [3, с. 59]. Как известно, в наибольшей степени от последствий кризиса пострадали ведущие экономики макрорегиона, привлекающие мигрантов (беженцев) как новое место жительства, в частности Франция и Германия. Являющиеся членами ЕС с 2004 г. Литва, Латвия и Эстония в меньшей степени столкнулись с прямыми последствиями миграционного кризиса, однако в теории могли бы сыграть существенную роль в смягчении его негативных последствий для организации в целом (в случае реализации соответствующей миграционной политики).

С точки зрения интересов России миграционная политика стран Прибалтики должна в первую очередь не носить дискриминационного характера для русскоязычного населения — как граждан РФ, так и граждан этих стран, в связи с чем отслеживание данных процессов и перспектив их развития в ближайшие годы составляет важную задачу.

Таким образом, целью статьи является оценка миграционной политики Литвы, Латвии и Эстонии с точки зрения интересов России (защита русскоязычного населения) и ЕС (потенциальное смягчение последствий миграционного кризиса и перераспределение в эти страны мигрантов из Африки и Ближнего Востока). Данный подход (то есть рассмотрение миграционной политики с точки зрения стран-соседей) обусловлен ролью лимитрофа, которой придерживаются страны Прибалтики, де-факто выступая буферной зоной между вышеупомянутыми акторами — Россией и ЕС.

Согласно гипотезе работы, миграционная политика Литвы, Латвии и Эстонии, несмотря на их зависимое положение, не отвечает интересам ни ЕС, ни России в связи с двойной периферийностью стран Прибалтики — геополитической и географической, что будет рассмотрено ниже.

Материалы и методы исследования

Значительное число исследований посвящено влиянию современного миграционного кризиса на регионы аккумуляции миграционных потоков [1], на ряд основных транзитных регионов [4], а также изучению ситуации в регионах формирования миграционных потоков [6; 8], то есть прежде всего в странах Африки и Ближнего Востока.

Методологическая рамка данной работы задана двумя теориями. Во-первых, она опирается на географический вариант традиционной трехстадийной модели миграционного процесса, разработанный М. М. Агафошиным, С. А. Гороховым и Р. В. Дмитриевым [2]. Во-вторых, используется подход к типологии малых европейских стран (в том числе стран Прибалтики), предложенный Ю. М. Зверевым и Н. М. Межевичем [5].

Согласно подходу Ю. М. Зверева и Н. М. Межевича, Литва, Латвия и Эстония являются малыми странами, исполняющими роль лимитрофа. По определению авторов, лимитроф — это «малая страна с ограниченным набором конкурентноспособных отраслей, периферийным геополитическим положением, характеризующаяся жесткой зависимостью экономики и

системы безопасности от всех соседствующих стран, но позиционирующая себя как “барьер” по отношению к одному или нескольким соседним государствам и опирающаяся для этого на систему военных, политических и экономических союзов» [5, с. 183]. Как отмечают Ю. М. Зверев и Н. М. Межевич, роль лимитрофа для малых стран не представляется единственно возможной, но именно ее в настоящий момент придерживаются Литва, Латвия и Эстония. Их важнейшая характеристика как стран-лимитрофов – стремление примыкать к линии стран-лидеров и отстаивать общие интересы, но, как показал период миграционного кризиса в ЕС, лишь «до того момента, пока не выясняется, что общие ценности таковыми не являются» [5, с. 187], то есть до тех пор, пока это не создает рисков для самих лимитрофов. Добавим, что, по словам В. А. Смирнова, «еще 15–20 лет назад обсуждалась идея превращения прибалтийских государств в “мост” между Европой и Россией», но она «фактически была свернута политическими элитами государств Прибалтики» [9, с. 34].

109

Что касается географического варианта традиционной трехстадийной модели миграционного процесса, то в его рамках страны Прибалтики могут рассматриваться как вторичный транзитный регион, то есть «территории, где миграционные потоки разветвляются» и из которых мигранты далее направляются в страны аккумуляции [2, с. 34]. Добавим, что первичным транзитным регионом в рамках миграции в ЕС выступают страны Азии и Северной Африки, а «классическим» вторичным – балканские страны [2, с. 35–36]. Очевидно, что Литва, Латвия и Эстония географически находятся в стороне от основных миграционных потоков, в связи с чем их положение в рамках вторичного (восточноевропейского) транзитного региона можно считать периферийным. Учитывая их осознанное (то есть избранное политически) существование в роли лимитрофа, страны Прибалтики в данной работе рассматриваются как двойная периферия, что отражено в гипотезе работы.

Основой для анализа миграционной политики Литвы, Латвии и Эстонии в исследовании стали три сопоставимых и по срокам, и по содержанию стратегических документа: «Стратегия по демографии, миграции и интеграции на 2018–2030 гг.» (Литва) [12], «Принципы развития сплоченного и граждански активного общества на 2021–2027 гг.» (Латвия) [16] и стратегия «Сплоченная Эстония 2021–2030» [17]. Выбор данных документов обусловлен тем, что, во-первых, они нацелены на перспективу и будут во многом определять миграционную политику прибалтийских стран в ближайшие годы и, во-вторых, в них приняты во внимание все вопросы, связанные с миграцией, в том числе проблемы интеграции мигрантов и, что удивительно, постоянно проживающих там русскоязычных людей (в случае Эстонии и Латвии), хотя, очевидно, мигрантами они считаться не должны. Статистической базой для исследования стали Атлас миграции [11] и другие ресурсы ЕС.

Миграционная политика Прибалтийских стран в 2010–2020-е годы

Одним из важнейших проявлений реальной (а не доктринальной) миграционной политики Литвы, Латвии и Эстонии в 2010-е гг. является их позиция по поводу программы перераспределения мигрантов в рам-

ках ЕС (2015), необходимость в которой возникла в связи с «беспрецедентным потоком мигрантов, продолжавшим нарастать в Италии и Греции, и смещением миграционных потоков с центрального на восточное Средиземноморье и Западные Балканы в направлении Венгрии» [15].

В рамках этого документа число искателей убежища, которое должна была принять каждая страна — член ЕС, рассчитывалось по специальной формуле на основе четырех показателей: численность населения (40 % «веса» итогового показателя), объем ВВП (40 %), среднее количество заявлений о предоставлении убежища за 5 предшествующих лет на 1 млн жителей (10 %), уровень безработицы (10 %) [15]. Согласно расчетам Е. В. Романовой [7, с. 342], распределение беженцев (в %) по странам получалось таким: «6,6–10,5 — Германия, Франция, Италия и Великобритания; 3,4–4,9 — Испания, Польша, Нидерланды и Румыния; 2,4–3,2 — Бельгия, Швеция, Австрия, Чехия, Венгрия, Дания, Португалия, Финляндия, Ирландия и Болгария; 1,7–2,2 — Словакия, Люксембург, *Литва*, Мальта, Словения, *Эстония*, *Латвия*, Греция, Хорватия и Кипр» (курсив мой. — Г. С.). Однако несмотря на столь небольшую квоту (около 2 %, что примерно соответствовало 10–15 тыс. чел.), прибалтийские страны фактически проигнорировали этот механизм, в то время как, например, Германия, правительство которой поддержало систему квот, приняла в 4 раза больше беженцев, чем полагалось согласно расчетам [7, с. 342].

Как показывает анализ ключевых документов в сфере миграционной политики на 2020-е гг., руководство стран Прибалтики намерено сохранить данный подход и в будущем.

Стратегия «Сплоченная Эстония 2021–2030» [17] находится в зоне ответственности Министерства культуры, Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел страны.

Главной проблемой, препятствующей единству эстонского общества, в ней названа «сегрегация по языковому признаку и связанное с ней неравенство во многих сферах» [17, л. 4]. Как показывает дальнейший текст документа, данная «сегрегация», по мнению его составителей, обусловлена наличием русскоязычного населения в стране (а более конкретно — русскоязычных школ), в связи с чем в качестве решения предлагается в ближайшие 15 лет перейти на преимущественно эстоноязычное школьное образование, что отражено в Плате развития образования и Плате развития эстонского языка [17, л. 13].

Кроме того, правительство обеспокоено тем, что «русскоязычное население Эстонии одновременно испытывает влияние местных русскоязычных СМИ, российских СМИ и, в меньшей степени, эстоноязычных СМИ, получая от них противоречивую информацию» [17, л. 18]. Таким образом, «сплочение» эстонского общества предполагается осуществить за счет сокращения доступа к русскоязычному образованию и информации.

Другой важнейшей проблемой, выделяемой в стратегии, названа недостаточная связь эстонцев, проживающих в других странах, со своей родиной. Этот вопрос является для Эстонии чрезвычайно актуальным, так как 15 % всех эстонцев (200 тыс. чел.) проживают за рубежом

[17, л. 3–4]. В связи с этим в стратегии ставится задача по поддержке их возвращения в страну, однако никаких экономических стимулов для этого не предлагается [17, л. 26].

В целом можно сделать вывод, что данная стратегия носит узконаправленный характер и должна служить интересам только этнических эстонцев, проживающих как в самой Эстонии, так и за ее пределами. Среди желаемых иммигрантов эстонские власти видят только эстонцев, а никак не беженцев из Африки и Ближнего Востока, попадающих в другие страны ЕС.

Примечательно, что Европейская комиссия на своем сайте приводит этот документ, как и рассмотренные ниже стратегии Литвы и Латвии, в разделе «Стратегии интеграции» [13], посвященном оценке миграционных потоков и вопросам включения беженцев / переселенцев в социальные институты. Однако в рамках данной стратегии основное внимание уделено русскоязычным жителям, которые вообще не являются мигрантами.

Сеймом Литвы утверждена «*Стратегия по демографии, миграции и интеграции на 2018–2030 гг.*» [12]. Ее реализация координируется и контролируется Правительством страны.

В документе прежде всего выражается обеспокоенность естественной и миграционной убылью населения и его старением. В связи с этим поставлена цель обеспечить позитивные изменения численности населения и его возрастной структуры, для чего предлагается решить три задачи: сформировать благоприятную для создания семьи атмосферу; обеспечить управление миграционными потоками, отвечающее потребностям государства; предоставить пожилым людям возможности интегрироваться в общество [12, р. 8].

В отличие от эстонского и латвийского (рассмотренного ниже) документов, в которых, по сути, отсутствует анализ крайне неблагоприятной демографической ситуации, характерной для всех трех прибалтийских стран, в данной стратегии приводится неутешительная статистика: если в 1992 г. численность населения в Литве достигла своего максимума — 3,7 млн чел., то к 2017 г. этот показатель снизился на 23 % (в среднем 1,28 % ежегодно) и составил 2,8 млн чел. Таким образом, за 25 лет Литва потеряла 859 тыс. чел., или примерно столько же, сколько сейчас проживает в Вильнюсе и Каунасе вместе взятых. Если нынешние тенденции не изменятся, то, по данным Евростата (статистической службы ЕС), в 2030 г. в Литве будет проживать лишь около 2,4 млн чел., то есть по сравнению с 2017 г. население сократится еще на 15 % [12, р. 4].

С точки зрения управления миграционными потоками важно обратить внимание на то, что, согласно стратегии, «при содействии иммиграции больше внимания необходимо уделять обратной миграции лиц литовского происхождения и граждан Литвы и их семей, что является приоритетом в миграционной политике Литвы, а также сбалансированной иммиграции граждан Европейского союза и третьих стран, соответствующих экономическим потребностям страны» [12, р. 15] (курсив мой. — Г. С.). Таким образом, власти Литвы не разделяют интересы ЕС в отношении смягчения миграционной нагрузки на других членов орга-

низации и помимо литовцев, проживающих за рубежом, открыты к приему только тех мигрантов, которые смогут пополнять бюджет страны, а не станут для него обузой.

Что касается интересов русскоязычного населения, то, в отличие от стратегии Эстонии, в данном документе ни русские, ни русский язык не упоминаются. Однако в стратегии Литвы также присутствует несколько отличное от базового подхода ЕС, более широкое понимание «интеграции»: так, одной из трех главных задач стратегии является интеграция в общество пожилых людей, в том числе в рынок труда [12, р. 27]. Поскольку из страны в основном эмигрирует молодежь трудоспособного возраста, литовские власти уделяют внимание обеспечению работой не только мигрантов, но и пожилых людей как одной из самых многочисленных групп, оставшихся в стране.

Кабинетом министров Латвии утверждены «*Принципы развития сплоченного и граждански активного общества на 2021–2027 гг.*» [16]. Их разработкой занималась межведомственная рабочая группа, в состав которой вошли представители Министерства культуры, Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел и других важнейших государственных органов.

Документ призван способствовать решению следующих вопросов: повышение доверия (внутри общества и по отношению к государству), укрепление национальной идентичности, использование латышского языка в повседневном общении, развитие граждански активного общества, влияние миграции (эмиграции и иммиграции) на развитие [16, л. 4]. При этом основные принципы формулируются в рамках трех направлений – национальная идентичность, развитие гражданского общества и интеграция, для каждого из которых приняты целевые показатели. В рамках ключевого для миграционной политики третьего направления (интеграция) принят лишь один такой показатель, а именно «% людей, имеющих субъективный опыт дискриминации», который планируется снизить с 7,4 % в 2015 г. до 7,0 % к 2027 г. [16, л. 11 – 12].

Выбор только одного (причем весьма спорного) показателя, равно как и столь скромные планы по его изменению (0,4 % за 12 лет), обусловлен тем, что миграционная политика Латвии в указанный период реально не нацелена на привлечение / прием мигрантов. Хотя в стратегии указано, что «в Латвию все чаще въезжают граждане стран, не входящих в ЕС и Европейскую экономическую зону, в том числе лица, нуждающиеся в международной защите», и «необходимо создать такие механизмы поддержки, которые способствуют доступу каждого вновь прибывшего в общество к мерам ранней интеграции», перечень предлагаемых мер сводится к изучению и использованию латышского языка, знакомству с историей Латвии и восприятию демократических ценностей [16, л. 24 – 25].

Данные акценты связаны с тем, что подавляющее число прибывающих в страну людей являются русскоязычными: так, в 2020 г. среди граждан стран за пределами ЕС, получивших вид на жительство в Латвии, 66 % были гражданами России, 12 % – Украины и 5 % – Белоруссии (в сумме 83 %) [16, прилож., рис. 9]. Именно их интеграция находится в

центре внимания стратегии, так как русский язык, по мнению властей Латвии, представляет угрозу для национальной идентичности. Авторы документа относят русскоязычное население Латвии к категории меньшинств (наряду с цыганами, которым уделено достаточно много внимания в стратегии) и, в частности, сетуют на то, что «латыши до сих пор часто переходят на русский язык в разговоре с русскоязычными» [16, прилож., л. 18]. День Победы в документе также классифицируется как «праздник меньшинств», который для них должны заменить такие «объединяющие» праздники, как День провозглашения Латвийской Республики и День восстановления независимости Латвийской Республики [16, прилож., рис. 6]. Очевидно, что все эти факты способствуют не уменьшению, а увеличению целевого показателя «% людей, имеющих субъективный опыт дискриминации», причем под ударом находятся прежде всего русские и другие русскоязычные люди. Как отмечает И.Н. Тарасов, латвийская «политика эмиграции, натурализации и интеграции очень медленно приближает к ожидаемым результатам и, как следствие, слабо стимулирует растущую группу представителей молодого поколения русскоязычного населения участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны» [10, с. 41].

Для комплексной оценки миграционной политики прибалтийских стран отдельный интерес представляет Индекс политики интеграции мигрантов (МИРЕХ), спонсором подготовки которого выступил ЕС. Индекс охватывает восемь сфер (мобильность на рынке труда, воссоединение семей, образование, участие в политической жизни, постоянное проживание, доступ к гражданству, антидискриминация, здоровье), каждая из которых оценивается от 0 до 100 баллов, после чего выводится итоговый (средний) показатель [14].

В рамках последнего расчета индекса Латвия и Литва набрали по 37 баллов, что получило качественную оценку «равенство на бумаге», а Эстония — 50 баллов (то есть ровно половину от возможных) [14]. Данные результаты имеют важное значение с точки зрения оценки реализации интересов ЕС (спонсора проекта).

Заключение

Полученные результаты позволяют считать, что гипотеза работы была подтверждена: миграционная политика стран Прибалтики действительно не отвечает ни интересам ЕС (в том числе стран-лидеров, на которых эти страны ориентируются), ни интересам России (как стране, которой себя противопоставляют в рамках роли лимитрофа).

Иммиграционная политика Литвы, Латвии и Эстонии носит достаточно закрытый характер и нацелена главным образом на возвращение литовцев, латышей и эстонцев, ранее покинувших свои страны. Участие этих государств в мероприятиях ЕС, подобных программе перераспределения мигрантов 2015 г. (прежде всего из стран Африки и Ближнего Востока), не отвечает целям и приоритетам стран Прибалтики, сформулированным в рассмотренных документах стратегического планирования на 2020-е гг. Властей этих государств вполне устраивает роль вто-

ричного транзитного региона на периферии миграционных потоков в Европу из стран Глобального Юга, а соглашаться на назначенную (даже в ограниченном объеме, учитывая отсутствие экономических предпосылок) роль региона аккумуляции они не собираются.

Что касается интересов России, то вышеупомянутые стратегии прибалтийских стран требуют ответа на зафиксированную в них политику дискриминации русскоязычного населения. Рассмотренные документы (особенно Латвии и Эстонии) являются яркой иллюстрацией реализации роли лимитрофа, в рамках которой эти страны старательно уничтожают любые связи с Россией и русским языком. Учитывая тот факт, что в стратегиях самих прибалтийских стран отмечена необходимость работы с диаспорой, в том числе в отношении сохранения языка, истории и традиций, возможная разработка и реализация Россией стратегии по защите русскоязычного населения в странах Прибалтики не должна вызывать удивления.

Добавим, что, весьма вероятно, разобранные стратегии не будут служить интересам и самих прибалтийских стран, так как в них, по сути, не предложены меры по улучшению социально-экономической ситуации, а именно это является главным фактором депопуляции их территорий. Крайне неблагоприятные демографические тренды могли бы быть смягчены, в частности, активным привлечением трудовых мигрантов, однако их власти не готовы массово приглашать людей, не относящихся к титульной нации, так как это воспринимается ими как угроза для национальной идентичности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123 «Трансграничные перемещения населения: ограничения и перспективы международного регулирования в условиях миграционного кризиса» (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>)

Список литературы

1. Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Беженцы из Сирии и Ирака в Швеции: особенности расселения в период миграционного кризиса // Балтийский регион. 2022. Т. 14, №4. С. 98 – 112. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-6.

2. Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68, №1. С. 29 – 43. doi: 10.21638/spbu07.2023.102.

3. Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // Восток (Oriens). 2023. №1. С. 50 – 62. doi: 10.31857/S086919080023788-3.

4. Жерлицына Н. А. Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8 (18), вып. 3. С. 51 – 59.

5. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 181 – 191. doi: 10.17976/jpps/2019.05.13.

6. Картов Г. А. «Другие африканцы»: кенийская диаспора Великобритании // Азия и Африка сегодня. 2021. №7. С. 47–53. doi: 10.31857/S032150750014440-6.

7. Романова Е. В. Миграционный кризис: испытание европейской солидарности // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М. ; Смоленск, 2016. С. 336–346.

8. Сидорова Г. М. Трансграничная миграция в Африке в условиях военно-политических конфликтов // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8 (18), вып. 3. С. 60–67.

9. Смирнов В. А. Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // Балтийский регион. 2020. Т. 12, №3. С. 26–39. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.

10. Тарасов И. Н. Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. №2. С. 34–44. doi: 10.31429/26190567-20-2-34-44.

11. Atlas of Migration // Knowledge Centre on Migration and Demography (КСМД) Data Portal. 2022. URL: <https://migration-demography-tools.jrc.ec.europa.eu/atlas-migration> (дата обращения: 08.09.2023).

12. Demografijos, migracijos ir integracijos politikos 2018–2030 m. strategija // Lietuvos Respublikos Seimas. 2018. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/rs/lasupplement/TAP/bda0af1049db11e89197e1115e5dbece/168a5f5449dc11e89197e1115e5dbece/> (дата обращения: 08.09.2023).

13. Governance of migrant integration in Estonia // European Website on Integration. 2023. https://ec.europa.eu/migrant-integration/country-governance/governance-migrant-integration-estonia_en (дата обращения: 08.09.2023).

14. Key Findings // MIPEX. 2020. URL: <https://www.mipex.eu/key-findings> (дата обращения: 30.10.2023).

15. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL establishing a crisis relocation mechanism and amending Regulation (EU) №604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third country national or a stateless person // EUR-Lex. 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52015PC0450> (дата обращения: 08.09.2023).

16. Saliedētas un pilsoniski aktīvas sabiedrības attīstības pamatnostādnes 2021.–2027. gadam // European Website on Integration. 2021. URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/sites/default/files/2021-04/saliedetas-un-pilsoniski-aktivas-sabiedrības-attīstības-pamatnostādnes-2021-2027gadam_.pdf (дата обращения: 08.09.2023).

17. Sidusa Eesti arengukava 2021–2030 (inglise keeles) // Kultuuriministeerium. 2021. URL: <https://www.kul.ee/media/3635/download> (дата обращения: 07.09.2023).

Об авторе

Глеб Константинович Сугаков – мл. науч. сотр., Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки Российской академии наук, Россия.

E-mail: g.sugakov@inafr.ru

G. K. Sugakov

**MIGRATION POLICY OF THE BALTIC STATES
IN THE CONTEXT OF EU AND RUSSIAN INTERESTS**

Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 30 October 2023

Accepted 27 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7

116

To cite this article: Sugakov G. K. 2024, Migration policy of the Baltic states in the context of EU and Russian interests, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 106 – 116. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-7.

The European migration crisis has brought scholarly attention to national migration policies, including those of the Baltic states – Lithuania, Latvia, and Estonia – all of which border Russia. This study aims to identify the key features of these policies, considering both Russian interests and those of the EU. To this end, this article undertakes, for the first time, a comparative analysis of the Baltic States' relevant strategic documents for the 2020s: Lithuania's Strategy for Demography, Migration and Integration 2018 – 2030, Latvia's Guidelines for the Development of a Cohesive and Civically Active Society 2021 – 2027 and Estonia's Cohesive Estonia Strategy 2021 – 2030. It is concluded that the migration policy of these states does not align with the interests of either the EU, whose focus is on mitigating the consequences of the migration crisis, primarily as regards refugees from Africa and the Middle East, or Russia, whose principal concern is the Baltics' Russophone population.

Keywords: migration policy, migration crisis, integration of migrants, Baltic states, transit region, limitrophe state

The author

Gleb K. Sugakov, Junior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies,
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: g.sugakov@inafr.ru